

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ФРИДРИХ НИЦШЕ

ПАДЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ

ВТОРАЯ
ОШИБКА
БОГА

ПЬЕР-ЖОЗЕФ ПРУДОН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

**Пьер Жозеф Прудон
Чезаре Ломброзо
Август Бебель
Фридрих Вильгельм Ницше
Падение женщины. Вторая
ошибка Бога. Сборник
Серия «Философский поединок»**

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66678124

Падение женщины. Вторая ошибка Бога. Сборник: Родина; Москва;

2021

ISBN 978-5-00180-395-9

Аннотация

«Женщина была второй ошибкой Бога», – писал Фридрих Ницше (1844 – 1900), один из культовых философов XIX-XX веков. Развивая идеи Аристотеля о женщине как вторичном существе по отношению к мужчине, Ницше привнёс в них много своего: его характеристики женщин позволяют считать Ницше антифеминистом, но не женоненавистником.

Пьер-Жозеф Прудон (1809 – 1865), французский философ и социолог, применяя диалектику Гегеля для исследования плохих и хороших сторон женской души, тоже считал, что

женщина перестает быть женщиной, если она занята политикой, литературой, наукой, а хуже того, «хочет стать судьей, префектом, может быть, даже жандармом». По его мнению, это означает женское падение: эмансипированные женщины отвратительны и похожи на гермафродитов.

Тему о «женском падении» затрагивали также Чезаре Ломброзо (1835 – 1909), итальянский психолог и психиатр, и Август Бебель (1840 – 1913), немецкий мыслитель и общественный деятель. Ломброзо доказывал, что падение женщин, в частности, широкое развитие проституции, обусловлено врожденной порочностью женской натуры; Бебель утверждал, в духе марксизма, что пороки женщин тесно связаны с пороками общества.

В данном сборнике представлены основные работы Ницше, Прудона, Ломброзо и Бебеля по этой теме.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Фридрих Ницше	6
«Женщина сама по себе»	9
Мужчина и женщина	20
О старых и молодых бабенках	20
О сладострастии	23
О целомудрии	23
О ребенке и браке	25
О друге	28
Женские маски	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

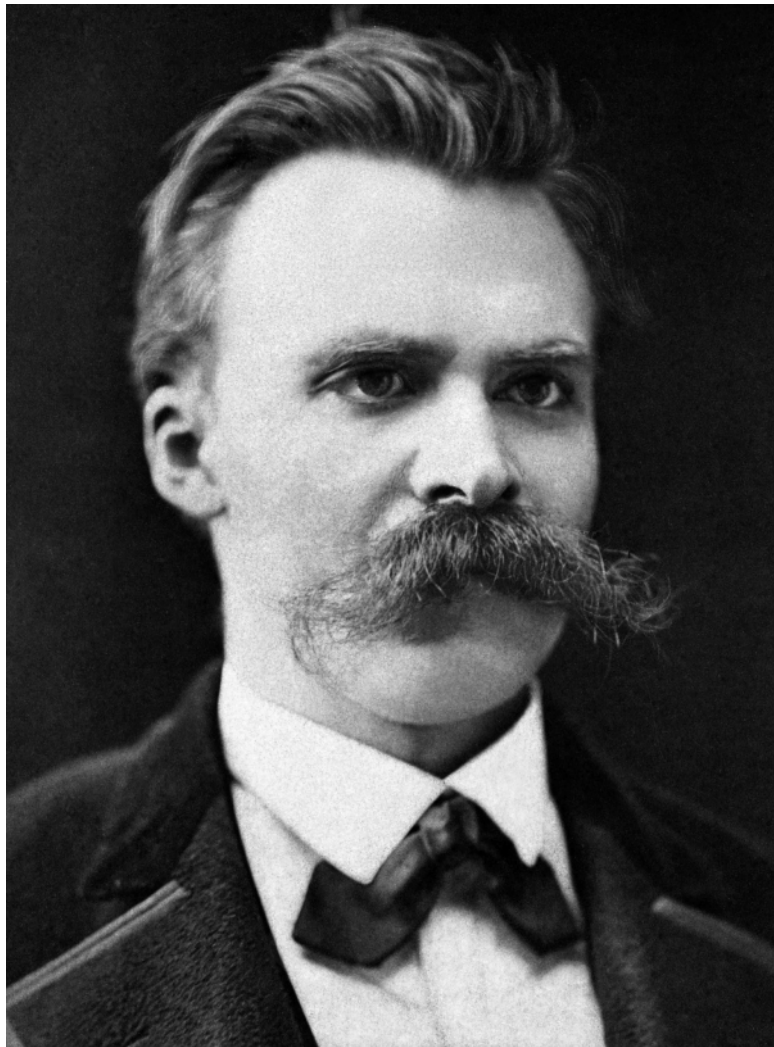
**Фридрих Ницше, Пьер-
Жозеф Прудон, Чезаре
Ломброзо, Август Бебель**
Падение женщины
Вторая ошибка Бога
Сборник

* * *

© Перевод с немецкого – Ю. М. Антоновский, В. Поссе,
Н. Полилов, В. Бакусов; перевод с французского – Н. Ножин,
Т. Учителев; перевод с итальянского – Г. Гордон
© ООО «Издательство Родина», 2021

Фридрих Ницше

Вторая ошибка Бога

Фридриха Ницше часто обвиняли в женоненавистничестве. Леонард Лолор и Зейнеп Дирек говорили: «Ницше постоянно повторяет, что женщина является источником всей глупости и неразумия. Она представляет собой фигуру сирены, которая заманивает мужчину-философа и сворачивает его с назначенного ему пути в поиске истины».

Между тем, женоненавистничество Ницше, как подметил Фрэнсис Опель, «это часть его общей стратегии, согласно которой „женщина-как-таковая“ (универсальная сущность женщины с вневременными чертами характера) показывается как продукт мужского желания, социальный конструкт.

Ницше желал продемонстрировать, что наше отношение к полу и гендеру определяется нашей культурой, которая нередко подрывают собственный потенциал как личности и вида, и которая может быть изменена».

Однозначно отрицательным было отношение Ницше к феминизму. Он утверждал, что эмансипация женщин и феминистическое движение являются лишь ресентиментом некоторых женщин в отношении других женщин, более физически развитых и в лучшей степени способных к деторождению.

«Женщина сама по себе»

(Из работы «По ту сторону добра и зла»)

Мне, может быть, будет дозволено высказать некоторые истины о «женщине самой по себе»: допустив, что теперь уже наперед известно, насколько это именно только – мои истины.

Женщина хочет стать самостоятельной: и для этого она начинает просвещать мужчин насчет «женщины самой по себе», – вот что является одним из самых пагубных успехов в деле всеобщего обезображения Европы. Ибо чего только не обнаружат эти грубые опыты женской учености и самообнажения!

У женщины так много причин стыдиться: в женщине скрыто столько педантизма, поверхностности, наставничества, мелочного высокомерия, мелочной разнузданности и нескромности – стоит только приглядеться к ее обхождению с детьми, – что, в сущности, до сих пор лучше всего сдерживалось и обуздывалось страхом перед мужчиной. Горе, если только «вечно-скучное в женщине» – а она богата им! – осмелится выйти наружу! Если она начнет принципиально и основательно забывать свое благоразумие и искусство, умение быть грациозной, игривой, отгонять заботы, доставлять

облегчение и самой легко относиться ко всему, — если она основательно утратит свою тонкую приспособляемость к приятным вожелениям!

Уже и теперь раздаются женские голоса, которые — клянусь святым Аристофаном! — внушают ужас; с медицинской ясностью раздается угроза относительно того, чего женщина хочет от мужчины прежде всего и в конце концов. Разве это не проявление самого дурного вкуса, если женщина старается таким образом стать ученой? До сих пор, к счастью, просвещать было делом и даром мужчины, — таким образом можно было оставаться «среди своих»; принимая же во внимание все то, что женщины пишут о «женщине», мы имеем, наконец, полное право усомниться, чтобы женщина хотела просвещения умов на свой счет — и могла его хотеть...

Если, поступая так, женщина не ищет для себя нового наряда, — а я полагаю, что искусство наряжаться относится к Вечно-Женственному? — значит, она хочет внушить к себе страх: она хочет, может быть, этим достигнуть господства. Но она не хочет истины — какое дело женщине до истины! Прежде всего ничто не может быть в женщине страннее, неприятнее, противнее, нежели истина — ее великое искусство есть ложь, ее главная забота — иллюзия и красота. Сознаемся-ка мы, мужчины: ведь мы чтим и любим в женщине именно это искусство и этот инстинкт; нам тяжело живется, и для собственного облегчения мы охотно присоединяемся

к обществу этих существ, под руками, взорами и нежными глупостями которых наша серьезность, наша тяжеловесность и глубина начинают казаться нам почти глупостью.

Наконец, я ставлю вопрос: разве было когда-нибудь, чтобы сама женщина признала в каком-либо женском уме глупину, в каком-либо женском сердце справедливость? И разве не правда, что, вообще говоря, до сих пор «к женщине» относилась с наибольшим презрением женщина же, а вовсе не мы? – Мы, мужчины, желаем, чтобы женщина перестала компрометировать себя разъяснениями; в том и сказалась мужская заботливость и бережность к женщине!

Это признак порчи инстинкта – не говоря уже о том, что это признак дурного вкуса, – когда женщина ссылается прямо на госпожу Ролан, или на госпожу Сталь, или на господина Жорж Санд, как будто этим можно доказать что-нибудь в пользу «женщины самой по себе». Среди мужчин упомянутые особы – только три комические женщины сами по себе, – не более! – и как раз сильнейшие невольные контраргументы против эмансипации и женского самодержавия.

Глупость на кухне; женщина в качестве кухарки; ужасающее отсутствие мысли в заботе о питании семейства и его главы! Женщина не понимает, что значит пища, и хочет быть кухаркой! Если бы женщина была мыслящим созданием, то, конечно, будучи кухаркой в течение тысячелетий, она должна была бы открыть величайшие физиологические факты, а равным образом и овладеть врачебным искусством. Благода-

ря дурным кухаркам, благодаря полному отсутствию разума на кухне развитие человека было дольше всего задержано, ему был нанесен сильнейший ущерб; да и в наше время дело обстоит не лучше. Эта речь обращена к дочерям высшего склада.

То, что Данте и Гете думали о женщине, – первый, когда он пел «*ella guardava suso, ed io in lei*», второй, когда он перевел это так: «*das Ewig-Weibliche zieht uns hinan*» (Вечно-Женственное влечет нас ввысь) – я не сомневаюсь, каждая более благородная женщина будет противиться такому убеждению, потому что то же самое она думает о Вечно-Мужественном...

До сих пор мужчины обращались с женщинами, как с птицами, которые сбились с пути и залетели к ним с каких-то вершин: они принимают их за нечто в высшей степени тонкое, ранимое, дикое, причудливое, сладкое, полное души, – но в то же время и за нечто, что необходимо держать взаперти, дабы оно не улетело.

Впасть в ошибку при разрешении основной проблемы «мужчина и женщина», отрицать здесь глубочайший антагонизм и необходимость вечно враждебного напряжения, мечтать здесь, может быть, о равноправии, о равенстве воспитания, равенстве притязаний и обязанностей – это типичный признак плоскоумия, и мыслителя, оказавшегося плоским в этом опасном пункте – плоским в инстинкте! – следует вообще считать подозрительным, более того, вполне разга-

данным, выведенным на чистую воду; вероятно, и для всех вопросов жизни, к тому же и будущей жизни, он окажется слишком «недалеким» и не достигнет никакой глубины.

Напротив, человек, обладающий как умственной глубиной, так и глубиной вожделений, а также и той глубиной благоволения, которая способна на строгость и жесткость и с легкостью бывает смешиваема с ними, может думать о женщине всегда только по-восточному: он должен видеть в женщине предмет обладания, собственность, которую можно запереть, нечто предназначенное для служения и совершенствующееся в этой сфере – он должен в данном случае положиться на колоссальный разум Азии, на превосходство ее инстинкта, как это некогда сделали греки, эти лучшие наследники и ученики Азии, – которые, как известно, от Гомера до Перикла, вместе с возрастающей культурой и расширением власти, шаг за шагом делались строже к женщине, короче, делались более восточными. Насколько это было необходимо, насколько логично, насколько даже по-человечески желательно, – пусть каждый рассудит об этом про себя!

* * *

Слабый пол никогда еще не пользовался таким уважением со стороны мужчин, как в наш век, – это относится к демократическим склонностям и основным вкусам так же, как непочтительность к старости, – что же удивительного, если

тотчас же начинают злоупотреблять этим уважением? Хотят большего, научаются требовать, находят наконец эту дань уважения почти оскорбительной, предпочитают домогаться прав, даже вести за них настоящую борьбу: словом, женщина начинает терять стыд.

Прибавим тотчас же, что она начинает терять и вкус. Она разучивается бояться мужчины: но, «разучиваясь бояться», женщина жертвует своими наиболее женственными инстинктами. Что женщина осмеливается выступать вперед, когда внушающая страх сторона мужчины или, говоря определеннее, когда мужчина в мужчине становится нежелательным и не взращивается воспитанием, это довольно справедливо, а также довольно понятно; труднее объяснить себе то, что именно благодаря этому – женщина вырождается.

Это происходит в наши дни – не будем обманывать себя на сей счет! Всюду, где только промышленный дух одержал победу над военным и аристократическим духом, женщина стремится теперь к экономической и правовой самостоятельности приказчика: «женщина в роли приказчика» стоит у врат новообразующегося общества. И в то время как она таким образом завладевает новыми правами, стремится к «господству» и выставляет женский «прогресс» на своих знаменах и флажках, с ужасающей отчетливостью происходит обратное: женщина идет назад. Со времен французской революции влияние женщины в Европе умалилось в той мере, в какой увеличились ее права и притязания; и «женская

эмансипация», поскольку ее желают и поощряют сами женщины (а не только тупицы мужского рода), служит таким образом замечательным симптомом возрастающего захирения и притупления наиболее женственных инстинктов.

Глупость скрывается в этом движении, почти мужская глупость, которой всякая порядочная женщина – а всякая такая женщина умна – должна бы стыдиться всем существом своим. Утратить чутье к тому, на какой почве вернее всего можно достигнуть победы; пренебрегать присущим ей умением владеть оружием; распускаться перед мужчиной до такой степени, что дойти, может быть, «до книги», между тем как прежде в этом отношении соблюдалась дисциплина и тонкая лукавая скромность; с добродетельной дерзостью противодействовать вере мужчины в скрытый в женщине совершенно иной идеал, в нечто Вечно- и Необходимо-Женственное; настойчивой болтовней разубеждать мужчину в том, что женщину, как очень нежное, причудливо дикое и часто приятное домашнее животное, следует беречь, окружать заботами, охранять, щадить; неуклюже и раздраженно выискивать элементы рабства и крепостничества, заключавшиеся и все еще заключающиеся в положении женщины при прежнем общественном строе (точно рабство есть контраргумент, а не условие всякой высшей культуры, всякого возвышения культуры), – что означает все это, как не разрушение женских инстинктов, утрату женственности?

Конечно, много есть тупоумных друзей и развратителей

женщин среди ученых ослов мужского пола, которые советуют женщине отделаться таким путем от женственности и подражать всем тем глупостям, какими болен европейский «мужчина», больна европейская «мужественность», – которые хотели бы низвести женщину до «общего образования», даже до чтения газет и политиканства. В иных местах хотят даже сделать из женщин свободных мыслителей и литераторов: как будто нечестивая женщина не представляется глубокомысленному и безбожному мужчине чем-то вполне противным или смешным, – почти всюду расстраивают их нервы самой болезненной и самой опасной из всех родов музыки (нашей новейшей немецкой музыкой) и делают их с каждым днем все истеричнее и неспособнее к выполнению своего первого и последнего призвания – рожать здоровых детей. И вообще, хотят еще более «культивировать» и, как говорится, сделать сильным «слабый пол» при помощи культуры: как будто история не учит нас убедительнейшим образом тому, что «культивирование» человека и расслабление – именно расслабление, раздробление, захирение силы воли – всегда шли об руку и что самые могущественные и влиятельные женщины мира (наконец, и мать Наполеона) обязаны были своим могуществом и превосходством над мужчинами силе своей воли, а никак не школьным учителям!

То, что внушает к женщине уважение, а довольно часто и страх, – это ее натура, которая «натуральнее» мужской, ее истая хищническая, коварная грация, ее когти тигрицы

под перчаткой, ее наивность в эгоизме, ее не поддающаяся воспитанию внутренняя дикость, непостижимое, необъяснимое, неуловимое в ее вождениях и добродетелях... Что, при всем страхе, внушает сострадание к этой опасной и красивой кошке, «женщине», — так это то, что она является более страждущей, более уязвимой, более нуждающейся в любви и более обреченной на разочарования, чем какое бы то ни было животное. Страх и сострадание: с этими чувствами стоял до сих пор мужчина перед женщиной, всегда уже одной ногой в трагедии, которая терзает его, в то же время чаруя. — Как? И этому должен настать конец? И расколдовывание женщины уже началось? И женщина будет делаться постепенно все более и более скучной?

О, Европа! Европа! Мы знаем рогатого зверя, который всегда казался тебе особенно притягательным, — от которого тебе все еще грозит опасность! Твоя старая басня может еще раз стать «историей», — еще раз чудовищная глупость может овладеть тобою и унести тебя! И под нею не скрывается никакой бог, нет! только «идея», «современная идея»!..

Семь женских поговорок

Где мужчина к нам ползет, мигом скука уползет!

Седина, ах! и наука — добродетели порука.

Как бы умной мне прослыть? Молча черное носить.

На душе легко и тихо. Слава Богу — и портнихе!

Молода: цветущий грот. Чуть стара: дракон ползет.
Статен, знатен, полон сил: о, когда б моим он был!
Речь кратка, бездонна суть – для ослицы скользкий путь!

Афоризмы

У женщин в глубине их личного тщеславия всегда лежит безличное презрение – презрение «к женщине».

Женщина научается ненавидеть в той мере, в какой она разучивается очаровывать.

Огромные ожидания от половой любви и стыд этих ожиданий заранее портят женщинам все перспективы.

Одинаковые аффекты у мужчины и женщины все-таки различны в темпе – поэтому-то мужчина и женщина не перестают не понимать друг друга.

Оба пола обманываются друг в друге – от этого происходит то, что, в сущности, они чтут и любят только самих себя (или, если угодно, свой собственный идеал —). Таким образом, мужчина хочет от женщины миролюбия, – а между тем женщина по существу своему как раз неуживчива, подобно кошке, как бы хорошо она ни выучилась выглядеть миролюбивой.

В мщении и любви женщина более варвар, чем мужчина.

Там, где не подыгрывает любовь или ненависть, женщина играет посредственно.

Соблазнить ближнего на хорошее о ней мнение и затем всей душой поверить этому мнению ближнего, – кто сравнится в этом фокусе с женщинами!

Наука уязвляет стыдливость всех настоящих женщин. При этом они чувствуют себя так, точно им заглянули под кожу или, что еще хуже, под платье и убор.

Если женщина обнаруживает научные склонности, то обыкновенно в ее половой системе что-нибудь да не в порядке. Уже бесплодие располагает к известной мужественности вкуса; мужчина же, с позволения сказать, как раз «бесплодное животное».

Сравнивая в целом мужчину и женщину, можно сказать следующее: женщина не была бы так гениальна в искусстве наряжаться, если бы не чувствовала инстинктивно, что ее удел – вторые роли.

Мужчина и женщина *(Из работы «Так говорил Заратустра»)*

О старых и молодых бабенках

...Когда сегодня я шел оди́н своею доро́гой, в час, когда солнце садится, мне повстречалась старушка и так говорила к душе моей:

«О многом уже говорил Заратустра даже нам, женщинам, но никогда не говорил он нам о женщине».

И я возразил ей: «О женщине надо говорить только мужчинам».

«И мне также ты можешь говорить о женщине, — сказала она, — я достаточно стара, чтобы тотчас все позабыть».

И я внял просьбе старушки и так говорил ей:

Все в женщине — загадка, и все в женщине имеет одну загадку: она называется беременностью.

Мужчина для женщины средство; целью бывает всегда ребенок. Но что же женщина для мужчины?

Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины как самой опасной игрушки.

Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина —

для отдохновения воина; все остальное – глупость.

Слишком сладких плодов не любит воин. Поэтому любит он женщину; в самой сладкой женщине есть еще горькое.

Лучше мужчины понимает женщина детей, но мужчина больше ребенок, чем женщина.

В настоящем мужчине сокрыто дитя, которое хочет играть. Ну-ка, женщины, найдите дитя в мужчине!

Пусть женщина будет игрушкой, чистой и лучистой, как алмаз, сияющей добродетелями еще не существующего мира.

Пусть луч звезды сияет в вашей любви! Пусть вашей надеждой будет: «о, если бы мне родить сверхчеловека!»

Пусть в вашей любви будет храбрость! Своею любовью должны вы наступать на того, кто внушает вам страх.

Пусть в вашей любви будет ваша честь! Вообще женщина мало понимает в чести. Но пусть будет ваша честь в том, чтобы всегда больше любить, чем быть любимой, и никогда не быть второй.

Пусть мужчина боится женщины, когда она любит: ибо она приносит любую жертву и всякая другая вещь не имеет для нее цены.

Пусть мужчина боится женщины, когда она ненавидит: ибо мужчина в глубине души только зол, а женщина еще дура.

Кого ненавидит женщина больше всего? – Так говорило железо магниту: «я ненавижу тебя больше всего, потому что

ты притягиваешь, но недостаточно силен, чтобы перетянуть к себе».

Счастье мужчины называется: я хочу. Счастье женщины называется: он хочет.

«Смотри, теперь только стал мир совершенен!» – так думает каждая женщина, когда она повинуетя от всей любви.

И повиноваться должна женщина, и найти глубину к своей поверхности. Поверхность – душа женщины, подвижная, бурливая пленка на мелкой воде.

Но душа мужчины глубока, ее бурный поток шумит в подземных пещерах; женщина чувствует его силу, но не понимает ее.

Тогда возразила мне старушка: «Много любезного сказал Заратустра, и особенно для тех, кто достаточно молод для этого.

Странно, Заратустра знает мало женщин, и, однако, он прав относительно их. Не потому ли это происходит, что у женщины нет ничего невозможного?

А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина».

«Дай мне, женщина, твою маленькую истину!» – сказал я. И так говорила старушка:

«Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» —

Так говорил Заратустра.

О сладострастии

...Сладострастие: жало и кол для всех носящих власяницу и презрителей тела и «мир», проклятый всеми потусторонниками: ибо оно вышучивает и дурачит всех наставников плутней и блудней.

Сладострастие: для отребья медленный огонь, на котором сгорает оно; для всякого червивого дерева, для всех зловонных лохмотьев готовая пылающая и клокочущая печь.

Сладострастие: для свободных сердец нечто невинное и свободное, счастье сада земного, избыток благодарности всякого будущего настоящему.

Сладострастие: только для увядшего сладкий яд, но для тех, у кого воля льва, великое сердечное подкрепление и вино из вин, благоговейно сбереженное.

Сладострастие: великий символ счастья для более высокого счастья и наивысшей надежды. Ибо многому обещан был брак и больше, чем брак, —

— многому, что более чуждо друг другу, чем мужчина и женщина, — и кто же вполне понимал, *как чужды* друг другу мужчина и женщина!

О целомудрии

Я люблю лес. В городах трудно жить: там слишком много

похотливых людей.

Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины?

И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят – они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной.

Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух!

О, если бы вы совершенны были, по крайней мере как звери! Но зверям принадлежит невинность.

Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам невинность чувств.

Разве целомудрие я советую вам? У иных целомудрие есть добродетель, но у многих почти что порок.

Они, быть может, воздерживаются – но сука-чувственность проглядывает с завистью во всем, что они делают.

Даже до высот их добродетели и вплоть до сурового духа их следует за ними это животное и его смута.

И как ловко умеет сука-чувственность молить о куске духа, когда ей отказывают в куске тела!

Вы любите трагедии и все, что раздирает сердце? Но я отношусь недоверчиво к вашей суке.

У вас слишком жестокие глаза, и вы похотливо смотрите на страдающих. Не переделось ли только ваше сладострастие и теперь называется состраданием!

И это знамение даю я вам: многие желавшие изгнать своего дьявола сами вошли при этом в свиней.

Кому тягостно целомудрие, тому надо его отсоветовать:

чтобы не сделалось оно путем в преисподнюю, т. е. грязью и похотью души.

Разве я говорю о грязных вещах? По-моему, это не есть еще худшее.

Познающий не любит погружаться в воду истины не тогда, когда она грязна, но когда она мелкая.

Поистине, есть целомудренные до глубины души: они более кротки сердцем, они смеются охотнее и больше, чем вы.

Они смеются также и над целомудрием и спрашивают: «Что такое целомудрие?

Целомудрие не есть ли безумие? Но это безумие пришло к нам, а не мы к нему.

Мы предложили этому гостю приют и сердце: теперь он живет у нас – пусть остается, сколько хочет!»

О ребенке и браке

Есть у меня вопрос к тебе, брат мой; точно некий лот, бросаю я этот вопрос в твою душу, чтобы знать, как глубока она.

Ты молод и желаешь ребенка и брака. Но я спрашиваю тебя: настолько ли ты человек, чтобы *иметь право* желать ребенка?

Победитель ли ты, преодолел ли ты себя самого, повелитель ли чувств, господин ли своих добродетелей? Так спрашиваю я тебя.

Или в твоем желании говорят зверь и потребность? Или

одинокчество? Или разлад с самим собою?

Я хочу, чтобы твоя победа и твоя свобода страстно желали ребенка. Живые памятники должен ты строить своей победе и своему освобождению.

Дальше себя должен ты строить. Но сперва ты должен сам быть построен прямоугодно в отношении тела и души.

Не только вширь должен ты расти, но и ввысь! Да поможет тебе в этом сад супружества!

Высшее тело должен ты создать, начальное движение, самокатящееся колесо – созидающего должен ты создать.

Брак – так называю я волю двух создать одного, который больше создавших его. Глубокое уважение друг перед другом называю я браком, как перед хотящими одной и той же воли.

Да будет это смыслом и правдой твоего брака. Но то, что называют браком многое множество, эти лишние, – ах, как назову я его?

Ах, эта бедность души вдвоем! Ах, эта грязь души вдвоем! Ах, это жалкое довольство собою вдвоем!

Браком называют они все это; и они говорят, будто браки их заключены на небе.

Ну что ж, я не хочу этого неба лишних людей! Нет, не надо мне их, этих спутанных небесною сетью зверей!

Пусть подальше останется от меня Бог, который, прихрамывая, идет благословлять то, чего он не соединял!

Не смейтесь над этими браками! У какого ребенка нет ос-

нований плакать из-за своих родителей?

Достойным казался мне этот человек и созревшим для смысла земли; но когда я увидел его жену, земля показалась мне домом для умалишенных.

Да, я хотел бы, чтобы земля дрожала в судорогах, когда святой сочетается с гусыней.

Один вышел, как герой, искать истины, а в конце добыл он себе маленькую наряженную ложь. Своим браком называет он это.

Другой был требователен в общении и разборчив в выборе. Но одним разом испортил он на все разы свое общество: своим браком называет он это.

Третий искал служанки с добродетелями ангела. Но одним разом стал он служанкою женщины, и теперь ему самому надо бы стать ангелом.

Осторожными находил я всех покупателей, и у всех у них были хитрые глаза. Но жену себе даже хитрейший из них умудряется купить в мешке.

Много коротких безумств – это называется у вас любовью. И ваш брак, как одна длинная глупость, кладет конец многим коротким безумствам.

Ваша любовь к жене и любовь жены к мужу – ах, если бы могла она быть жалостью к страдающим и сокрытым богам! Но почти всегда два животных угадывают друг друга.

И даже ваша лучшая любовь есть только восторженный символ и болезненный пыл. Любовь – это факел, который

должен светить вам на высших путях.

Когда-нибудь вы должны будете любить дальше себя! Начните же *учиться* любить! И оттого вы должны были испытать горькую чашу вашей любви.

Горечь содержится в чаше даже лучшей любви: так возбуждает она тоску по сверхчеловеку, так возбуждает она жажду в тебе, созидающем!

Жажду в созидающем, стрелу и тоску по сверхчеловеку — скажи, брат мой, такова ли твоя воля к браку?

Священны для меня такая воля и такой брак. —

Так говорил Заратустра.

О друге

«Всегда быть одному слишком много для меня» — так думает отшельник. «Всегда один и один — это дает со временем двух».

Я и меня всегда слишком усердствуют в разговоре; как вынести это, если бы не было друга?

Всегда для отшельника друг является третьим: третий — это пробка, мешающая разговору двух опуститься в бездонную глубь.

Ах, существует слишком много бездонных глубин для всех отшельников! Поэтому так страстно жаждут они друга и высоты его.

Наша вера в других выдает, где мы охотно хотели бы ве-

рить в самих себя. Наша тоска по другу является нашим предателем.

И часто с помощью любви хотят лишь перескочить через зависть. Часто нападают и создают себе врагов, чтобы скрыть, что и на тебя могут напасть.

«Будь хотя бы моим врагом!» – так говорит истинное почитание, которое не осмеливается просить о дружбе.

Если ты хочешь иметь друга, ты должен вести войну за него; а чтобы вести войну, надо *уметь* быть врагом.

Ты должен в своем друге уважать еще врага. Разве ты можешь близко подойти к своему другу и не перейти к нему?

В своем друге ты должен иметь своего лучшего врага. Ты должен быть к нему ближе всего сердцем, когда ты противишься ему.

Ты не хочешь перед другом своим носить одежды? Для твоего друга должно быть честью, что ты даешь ему себя, каков ты есть? Но он за это посылает тебя к черту!

Кто не скрывает себя, возмущает этим других: так много имеете вы оснований бояться наготы! Да, если бы вы были богами, вы могли бы стыдиться своих одежд!

Ты не можешь для своего друга достаточно хорошо нарядиться: ибо ты должен быть для него стрелою и тоскою по сверхчеловеку.

Видел ли ты своего друга спящим, чтобы знать, как он выглядит? Что такое лицо твоего друга? Оно – твое собственное лицо на грубом, несовершенном зеркале.

Видел ли ты своего друга спящим? Испугался ли ты, что так выглядит твой друг? О мой друг, человек есть нечто, что должно превзойти.

Мастером в угадывании и молчании должен быть друг: не всего следует тебе помогаться взглядом. Твой сон должен выдать тебе, что делает твой друг, когда бодрствует.

Пусть будет твое сострадание угадыванием: ты должен сперва узнать, хочет ли твой друг сострадания. Быть может, он любит в тебе несокрушенный взор и взгляд вечности.

Пусть будет сострадание к другу сокрыто под твердой корой, на ней должен ты изгрызть себе зубы. Тогда оно будет иметь свою тонкость и сладость.

Являешься ли ты чистым воздухом, и одиночеством, и хлебом, и лекарством для своего друга? Иной не может избавиться от своих собственных цепей, но является избавителем для друга.

Не раб ли ты? Тогда ты не можешь быть другом. Не тиран ли ты? Тогда ты не можешь иметь друзей.

Слишком долго в женщине были скрыты раб и тиран. Поэтому женщина не способна еще к дружбе: она знает только любовь.

В любви женщины есть несправедливость и слепота ко всему, чего она не любит. Но и в знакомой любви женщины есть всегда еще внезапность, и молния, и ночь рядом со светом.

Еще не способна женщина к дружбе: женщины все еще

кошки и птицы. Или, в лучшем случае, коровы.

Еще не способна женщина к дружбе. Но скажите мне вы, мужчины, кто же среди вас способен к дружбе?

О мужчины, ваша бедность и ваша скупость души! Сколько даете вы другу, столько даю я даже своему врагу и не становлюсь от того беднее.

Существует товарищество; пусть будет и дружба!

Так говорил Заратустра.

Женские маски

*(Из работы «Человеческое,
слишком человеческое.
Книга для свободных умов»)*

Принудить кого-либо к молчанию через проявление физической дикости и возбуждение страха – это признак первобытной культуры.

Точно так же тот холодный взор, которым знатные смотрят на своих подчиненных, есть остаток кастовых разграничений между людьми, частица грубой древности.

Женщины, хранительницы старого, вернее сохранили и этот survival.

Может считаться признаком совершенного отсутствия благородного строя души, когда человек предпочитает жить в зависимости, за счет других, чтобы только не быть вынужденным работать, обыкновенно с тайным озлоблением против тех, от кого он зависит.

Такой строй души гораздо чаще встречается у женщин, чем у мужчин, а также и простительнее у них (по историческим причинам).

В способе, каким мужчины теперь в обществе высказыва-

ют утверждения, часто узнаёшь отзвук эпох, когда они лучше умели обращаться с оружием, чем с чем-либо иным: они то орудуют своими утверждениями, как меткие стрелки – ружьем, то как будто слышишь свист и лязг мечей; а у некоторых мужчин утверждение громыхает, как здоровая дубина.

Напротив, женщины говорят, как существа, которые веками сидели у ткацкого станка, или работали иглой, или ребячились с детьми.

Диалог есть совершенный разговор, так как все, что говорит один, приобретает определенную окраску, звучность, сопровождающий жест в точном расчете на другого, с кем говоришь, т. е. аналогично тому, что случается в письменном общении, когда один и тот же человек обнаруживает десяток способов выражения своей души, смотря по тому, кому он пишет. В диалоге существует лишь одно-единственное преломление лучей мысли – это преломление создает собеседник, как зеркало, в котором мы хотим снова увидеть наши мысли в возможно лучшей форме.

Но как обстоит дело при двух, трех и более собеседниках? Тут разговор неизбежно теряет индивидуализирующую тонкость, различные соображения перекрещиваются и взаимно уничтожаются; оборот, который приятен одному, приходится не по вкусу другому. Поэтому человек в общении с многими вынужден отступать назад, к самому себе, излагать факты, как они есть, но лишая предметы того легкого эфира гу-

манности, который делает разговор самой приятной вещью на свете.

Вслушайтесь в тон, которым обыкновенно говорят мужчины с целыми группами мужчин; генерал-бас всех их речей как бы звучит: «таков я, так говорю я, думайте об этом, как хотите!» Это есть причина, почему даровитые женщины по большей части оставляют в том, кто познакомился с ними в обществе, тягостное, отчуждающее, отталкивающее впечатление: их обращение ко многим, их разговор со многими лишает их всякой духовной привлекательности и лишь выставляет в ярком свете их сознательную мысль о самих себе, их тактику и намерение одержать публичную победу, тогда как те же самые женщины в беседе вдвоем снова становятся женщинами и вновь обретают свою духовную прелесть.

Греческая культура классической эпохи есть культура мужчин. Что касается женщин, то Перикл в своей надгробной речи высказал все в словах: с ними обстоит наилучшим образом, когда среди мужчин о них говорят возможно меньше.

Если принять во внимание, что женщины были исключены даже из участия в состязаниях и всякого рода зрелищах, то в качестве духовного занятия им оставался только религиозный культ. — Если, однако, выводили в трагедии Электру и Антигону, то это выносили именно в искусстве, не терпя того же в жизни — как мы теперь не выносим все патетиче-

ское в жизни, но охотно терпим его в искусстве.

Женщины имели одну только задачу – производить могучие прекрасные тела, в которых характер отца продолжал бы жить по возможности неослабленным, и тем противодействовать распространяющемуся нервному переутомлению столь высоко развитой культуры. Это сохранило греческую культуру юной столь долгое сравнительно время: ибо в греческих матерях греческий гений постоянно возвращался к природе.

Против мужской болезни самопрезрения вернее всего помогает любовь умной женщины.

Род ревности. Матери легко ревнуют своих сыновей к их друзьям, если последние имеют особый успех. Обыкновенно мать любит в своем сыне больше себя, чем самого сына.

Материнская нежность. Иная мать хочет иметь счастливых, почитаемых детей, иная – несчастных: ибо иначе не может обнаружиться ее материнская нежность.

Различные вздохи. Некоторые мужчины вздыхали о похищении своих жен, большинство же – о том, что никто не хотел их похитить у них.

Брак по любви. Браки, которые были заключены по любви (так называемые браки по любви) имеют заблуждение своим

отцом и нужду (потребность) – матерью.

Женская дружба. Женщины свободно могут заключать дружбу с мужчиной; но чтобы сохранить ее, – для этого потребна небольшая доля физической антипатии.

Скука. Многие люди, а в особенности женщины, не испытывают скуки, потому что они никогда не умели порядочно работать.

Элемент любви. Во всякого рода женской любви проступает и элемент материнской любви.

Единство места и драма. Если бы супруги не жили вместе, хорошие браки встречались бы чаще.

Обычные последствия брака. Всякое общение, которое не возвышает, тянет вниз, и наоборот; поэтому мужчины обыкновенно несколько опускаются, когда берут себе жен, тогда как жены несколько повышаются в своем уровне. Слишком одухотворенные мужчины столь же нуждаются в браке, сколь и противятся ему, как отвратительному лекарству.

Хотеть стать влюбленным. Помолвленные, которых свели внешние соображения, часто стараются стать влюбленными, чтобы избежать упрека в холодном утилитарном расчете. Точно так же те, кто ради выгоды возвращаются к христи-

анству, стараются стать действительно набожными: ибо этим облегчается религиозная мимика.

В любви нет остановки. Музыкант, который любит медленный темп, будет играть одни и те же пьесы все медленнее. Так и ни в какой любви нет остановки.

Стыдливость. С красотой женщины, в общем, увеличивается ее стыдливость.

Прочный брак. Брак, в котором каждый через другого хочет достигнуть определенной личной цели, хорошо сохраняется, например когда жена хочет стать знаменитой через мужа, муж – стать любимым через посредство жены.

Протеева натура. Женщины из любви становятся всецело тем, чем они представляются любящим их мужчинам.

Любить и обладать. Женщины по большей части любят значительного человека так, что хотят его иметь целиком для себя. Они охотно заперли бы его на замок, если бы этому не противостояло их тщеславие: последнее требует, чтобы он и другим казался выдающимся человеком.

Испытание хорошего брака. Годность брака испытывается тем, что он может вынести «исключение».

Способ довести всех до всего. Каждого человека можно настолько утомить и обессилить беспокойствами, страхами, накоплением труда и мыслей, что он уже не может противостоять делу, которое имеет вид чего-то сложного, а уступает ему, – это хорошо знают дипломаты и женщины.

Честь и честность. Девушки, которые надеются обеспечить всю свою жизнь с помощью юных прелестей и хитрость которых поддерживают расчетливые матери, хотят того же самого, что и гетеры; они только умнее и бесчестнее последних.

Маски. Существуют женщины, которые, куда ни посмотришь в них, не имеют нутра, а суть чистые маски. Достоин сожаления человек, который связывается с таким почти призрачным, неизбежно неудовлетворяющим существом; но именно они могут сильнее всего возбудить желания мужчины: он ищет их души – и ищет без конца.

Брак как долгий разговор. При вступлении в брак нужно ставить себе вопрос: полагаешь ли ты, что ты до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной? Все остальное в браке преходяще, но большая часть общения принадлежит разговору.

Девичьи мечты. Неопытные девушки обольщают себя мыслью, что в их силах сделать счастливым мужчину; позднее они научаются, что предполагать о человеке, будто ему достаточно девушки, чтобы стать счастливым, — значит слишком низко ценить его. — Тщеславие женщин требует, чтобы мужчина был нечто большее, чем счастливый супруг.

Вымирание Фауста и Маргариты. Согласно весьма проницательному замечанию одного ученого, образованные мужчины современной Германии походят на помесь из Мефистофеля и Вагнера, но отнюдь не на Фауста, которого наши деды (по крайней мере в юности) чувствовали в своей груди. Продолжая это суждение, можно сказать, что к ним по двум основаниям не подходят Маргариты. И так как на них нет спроса, то они, по-видимому, вымирают.

Девушки в качестве гимназистов. Ради всего святого, не распространяйте наше гимназическое образование еще и на девушек! Ведь это образование часто превращает даровитых, любознательных, пламенных юношей — в копии их учителей!

Без соперниц. Женщины легко замечают в мужчине, владеет ли уже что-либо его душой; они хотят, чтобы их любили без соперниц, и ставят ему в вину цели его честолюбия, его политические задачи, его науки и искусства, если он питает

страсть к таким вещам. Впрочем, если он благодаря этому блистает – тогда они рассчитывают, через любовную связь с ним, увеличить и свой блеск; в этом случае они благоприятствуют любовнику.

Женский интеллект. Интеллект женщин характеризуется полнейшим самообладанием, присутствием духа, использованием всех выгод. Они передают его как свое основное свойство по наследству своим детям, а отец присоединяет к нему более темный фон воли. Его влияние как бы определяет ритм и гармонию, в которых должна разыгаться новая жизнь; но ее мелодия исходит от женщины. – Обращаясь к тем, кто умеет кое-что соображать, я скажу: женщинам принадлежит рассудок, мужчинам – склад души и страсть. Этому не противоречит, что мужчины фактически гораздо успешнее действуют своим рассудком: у них есть более глубокие и могущественные двигатели, и именно последние уносят так далеко их рассудок, который сам по себе есть нечто пассивное. Женщины часто втайне изумляются тому великому поклонению, которое выказывают мужчины их душе. Если мужчины при выборе супруги прежде всего ищут глубокого, душевно богатого существа, женщины же, наоборот, – существа умного, находчивого и блестящего, то в сущности ясно видишь, что мужчина ищет идеализированного мужчины, женщина – идеализированной женщины, т. е. что оба стремятся не к дополнению, а к завершению своих соб-

ственных преимуществ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.